

Елена Викторовна Фадеева¹
ev_fadeeva@mail.ru

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЮКАГИРОВ (XVII — НАЧАЛО XX в.)

В статье рассмотрены элементы материнского рода у лесных (таёжных) и тундровых юкагиров в XVII — начале XX в. и их эволюция в результате изменения социально-экономических условий и межэтнических и межкультурных отношений юкагиров с эвенками, чукчами, якутами, русскими казаками и переселенцами. В памяти и в быту большинства народов ещё в начале XX в. сохранились реликты странных социальных, нравственных, моральных, юридических и других норм, обрядов и ритуалов, в которых угадывалось особое отношение к женщине, подчёркивалась важность её роли. Например, традиции вести происхождение и наследовать имущество по материнской, а не по отцовской линии; подчинённое положение мужчины в семье жены, особенно сразу после свадьбы; обычаи избегания; обилие женских демонических сил в мифологии того или иного народа; изображения матерей-прародительниц и т.п. Установлено, что существовавший в древности у юкагиров материнский род в силу изменения социально-экономических условий и межэтнического и межкультурного взаимодействия претерпел определённую эволюцию: сначала сосуществовали две системы родства — матрилинеарная и патрилокальная, затем произошёл переход к патрилокальному браку и патрилокальной семье. Особенно быстро этот процесс протекал у тундровых юкагиров, находящихся в более тесном иноэтническом окружении. Контакты и браки с тунгусами, а также заимствование у последних оленеводства привели к «деформации» материнского рода в составную семью. У тундровых юкагиров на смену патрилокальному браку пришёл патрилокальный, что отвечало стремлению отца передать своих оленей по наследству сыну, а не зятю. У таёжных юкагиров, культура которых более самобытна, стали параллельно сосуществовать обе эти формы.

Ключевые слова: материнский род, отцовский род, матрилокальный брак, патрилокальный брак, экзогамия, обычаи избегания.

Elena V. Fadeeva¹
ev_fadeeva@mail.ru

THE ROLE OF WOMEN IN THE TRADITIONAL SOCIAL ORGANIZATION OF THE YUKAGHIRS (17th — EARLY 20th CENTURIES)

The article examines the elements of the maternal lineage among the forest (taiga) and tundra Yukaghirs in the 17th — early 20th centuries and their evolution as a result of changes in socio-economic conditions and interethnic and intercultural relations of the Yukaghirs with the Evens, Chukchi, Yakuts, Russian Cossacks

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

and settlers. In the memory and everyday life of most peoples at the beginning of the 20th century relics of strange social, moral, legal and other norms, rites and rituals were preserved, in which a special attitude towards women was discerned and the importance of her role was emphasized. These are traditions of tracing descent and inheriting property through the maternal rather than paternal line; the subordinate position of a man in his wife's family, especially immediately after the wedding; avoidance habits; the abundance of female demonic forces in the mythology of a particular people; images of ancestral mothers, etc., etc. As a result of the study, the following conclusions were made: the maternal clan that existed in ancient times among the Yukaghirs, due to changes in socio-economic conditions and inter-ethnic and intercultural interaction, underwent a certain evolution: at first this consisted in the coexistence of two kinship systems — maternity and paternity, and then in a complete transition to patrilocal marriage and patrilocal family. This process occurred especially quickly among the tundra Yukaghirs, who were in a closer environment of other ethnic groups. Contacts and marriages with the Tungus, as well as the adoption of reindeer husbandry from the latter, led to the “deformation” of the maternal clan into a composite family. Among the tundra Yukaghirs, matrilineal marriage was replaced by patrilocal marriage, which corresponded to the desire of the father to inherit his reindeer to his son, and not to his son-in-law. Among the taiga Yukaghirs, whose culture is more distinctive, both of these forms began to coexist in parallel.

Keywords: maternal clan, patrilineal clan, matrilineal marriage, patrilocal marriage, exogamy, customs of avoidance.

Юкагиры с точки зрения исторической ценности представляют собой пласт автохтонного населения, которое облюбовало обширную территорию Сибири. Издревле существовали две группы народа — лесные, или таёжные, юкагиры (*одулы*) и тундровые юкагиры (*вадулы*). Первые проживали в бассейне р. Ясачной, левого притока р. Колымы, на территории Верхнеколымского улуса (района) Якутии (совр. с. Нелемное); вторые — в Нижнеколымском улусе (районе), по бассейнам впадающих в Северный Ледовитый океан р. Алазея и Большая Чукочья (совр. с. Андриюшкино) [11, с. 14].

Несмотря на многочисленные трудности, с которыми столкнулись юкагиры в перестроечное время и в постсоветский период, и нижнеколымских, и верхнеколымских юкагиров характеризует стремление к возрождению традиционной культуры, борьба за проживание на землях предков, сохранение традиционного уклада жизни и привычных форм природопользования, родного языка, фольклора, обычаев и верований. Мощный импульс этому движению дал Съезд юкагирского народа,

состоявшийся в 1992 г. На нём был создан Совет старейшин, образован Фонд возрождения юкагирского народа. В 1998 г. был принят Закон Республики Саха (Якутия) о формах самоуправления (*суктулах*) [11, с. 21; 14, с. 577; 17, с. 447]. На этом фоне, несомненно, актуальным будет напоминание о родовых и семейно-брачных традициях как одних из самых устойчивых элементов традиционной культуры. Кроме того, 2024 г. объявлен в России Годом семьи, а семья всегда держалась, держится и будет держаться на женщине-матери. И это понимали все коренные малочисленные народы, включая и юкагиров, что вылилось в почитание женщины-матери. Поэтому актуальность выделения элементов материнского рода, положивших начало подобному культу, в недрах отцовского таюже не вызывает сомнений.

Цель представленной статьи — выделить элементы материнского рода в традиционной социальной организации лесных (таёжных) и тундровых юкагиров в XVII — начале XX в., показать их эволюцию в результате изменения социально-экономических условий и межэтнических

и межкультурных отношений. Отметим, что в задачи исследования, ввиду небольшого объёма статьи, входит отображение лишь некоторых элементов материнского рода у юкагиров (добрачная свобода девушек, матрилокальность брака, отработка за жену, обычаи избегания, экзогамия, женские персонажи в верованиях и фольклоре), а также выявление общих и отличительных черт между двумя группами указанного этноса.

Как уже сказано выше, одними из основных элементов материнского рода, сохранявшимися у юкагиров ещё в начале XX в., были добрачная половая свобода девушек, матрилокальный брак, отработка за жену, экзогамия, обычаи избегания, наличие женских персонажей в верованиях и фольклоре этноса.

Так, до брака девушки у юкагиров пользовались значительной свободой. В своих чувствах к юношам они нередко признавались сами, присылая им любовные письма (*тёс*) с условными изображениями людей на бересте [7, с. 291—292; 14, с. 577; 17, с. 446]. Добрачные связи девушек общественным мнением и традицией не осуждались. Родители взрослой девушки ставили для неё отдельный полог, а внебрачных детей записывали в род матери. В невесте ценили прежде всего её хозяйственные навыки (умение шить, вышивать, обрабатывать шкуры), а не целомудрие [18, с. 75]. Отметим, что старые юкагиры говорили, что в древности девушки принимали только тех мужчин, которых выбирали сами; впоследствии к ним стали ходить все подряд. Возможно, это неразрывно связано ещё с одним древним обычаем юкагиров, отчасти сохранявшимся ещё в начале XX в., когда гостя-парня, даже если он был женат, клали спать на постель незамужней женщины [6, с. 19]. Стоит отметить, что перечить этому обычаю не смели ни девушка, ни её возлюбленный, пока он не стал её наречённым, ни сам гость [4, с. 27; 8, с. 109—110]. Стоит отметить, что укладывать гостя в постель девушки вовсе не значило заставляя её вступать с ним в половую связь: напротив, «мудрая» девушка, если гость ей не нравился, засыпа-

ла не снимая передник. Следовательно, в этом случае гостеприимные юкагиры предлагали не девушку, а тёплую постель на ночь [8, с. 112—113]. Однако с момента знакомства юкагиров с европейцами этот обычай, по мнению Я. Линденау, стал свидетельством наличия гостеприимного гетеризма у юкагиров, рассматривавших половую связь женщины с гостем как «особый знак дружбы». После подобных контактов юкагирские женщины проводили обряд самоочищения водой и дымом, стараясь прежде всего избежать заражения сифилисом [12, с. 155].

Такая сексуальная свобода могла возникнуть только в недрах материнского рода, когда счёт родства и происхождения вёлся исключительно по материнской линии, а отсутствие установленного отца не оказывало никакого влияния на имущественное и общественное положение детей. В любом случае ребёнок принадлежал к определённому роду, а именно к роду своей матери. Требования добрачного целомудрия и брачной исключительности являются признаками отцовского рода и вызваны прежде всего экономическими соображениями.

Счёт родства у нижнеколымских юкагиров, вследствие активных (в том числе и брачных) контактов с тунгусами, коряками и чукчами, был патрилинейным, брак — патрилокальным, тогда как у верхнеколымских юкагиров преобладали матрилокальный брак (молодые после свадьбы оставались жить в семье жены, а не мужа) и матрилинейная система родства [14, с. 577].

Юкагирский брак на Верхней Колыме заключался, как правило, без внесения выкупа за жену (калыма), причём жених и невеста свободно выбирали друг друга. Юкагирский сват, отправленный с матримониальным поручением, обращался к отцу невесты с такими словами: «В свой дом пусти (жениха) своим дитятей». Отец, не отвечая, брал топор, шёл в лес и валил сухое дерево. Юноша должен был поднять дерево и перебросить через «дом» (чум). Если ему это удавалось, родители невесты говорили: «Сына имеем, наши кости хорошо уложить сумеет!», и вопрос

о браке решался положительно. Случалось, что претендент не нравился невесте или её родителям, тогда отец срубал дерево потолще, не под силу жениху. Иногда жених не засылал свата, а просто начинал демонстрировать свои намерения, выполняя какую-нибудь работу для родителей своей возлюбленной: колот дрова для будущего тестя, накладывая поленницу выше чума, или чинил сани, ремонтировал его ружьё, сети, помогал ловить рыбу и т.д. Если тесть не возражал, то уже на четвёртый день брал дрова из этой поленницы. Тогда юноша забирал свой лук и ночью приходил в чум невесты. Ставил оружие на видном месте и утром не спешил подняться с постели, чтобы все видели, что он теперь свой [8, с. 138—139; 16, с. 50].

Хотя молодого человека и принимали в доме тестя как сына, он занимал особое положение в семье. Зять не должен был смотреть на родителей и старших родственников своей жены, разговаривать с ними, но обязан был исполнять все их приказания. Дичь и рыбу он отдавал теще, а меха приносил тестю. Отметим, что с течением времени этот обычай уступал новым требованиям. Зять нередко брал часть добытого им меха и обменивал его на необходимые ему привозные вещи, не ставя в известность своего тестя; ранее он мог так поступать только когда сам становился отцом. Такие же противоречия существовали и у женщин. Самая старшая в семье женщина брала на себя заботы о продовольствии, и младшие послушно следовали её указаниям. Однако если девушке нужна была дюжина рыб, пойманных при её участии, чтобы обменять их на ситцевую косынку у якутского торговца, она брала их, не прося разрешения у старшей [8, с. 164].

В прежние времена молодой человек был обязан защищать дом от нападения врагов. Очевидно, это и было причиной того, что зять должен был оставаться дома, когда отец с сыновьями уходили охотиться. Лишь после смерти тестя, дяди жены и её старших братьев или после женитьбы последних и их переезда к тестю он становился главой семьи [8, с. 143—144].

У нижнеколымских юкагиров практиковались трёхлетняя отработка за жену и уплата калыма [14, с. 577]. В течение этого времени человек пас оленей, охотился, ловил рыбу и выполнял любую работу. Этот период испытания ни к чему не обязывал родителей девушки. Они могли отменить согласие на брак при завершающем сватовстве, и тогда молодой человек покидал их дом не получая ничего [9, с. 92]. «Купленная» жена, разумеется, переходила жить в семью мужа [16, с. 50].

Стоит сказать, что институт калыма тундровые юкагиры переняли у тунгусов в результате межэтнических браков; традиции последних также стали одной из причин замены у юкагиров матрилокального брака на патрилокальный. Они брали калым от ламутов, в семьи которых отдавали своих дочерей и сестёр (ламуты лишь в редких случаях присоединялись к семье тестя). С другой стороны, беря замуж ламуток, юкагиры тоже были обязаны выплачивать за них калым. Правило калыма стало, вероятно, действовать и в среде самих юкагиров, если они, отдавая юношу в семью невесты, не могли получить взамен жениха для дочери или сестры в качестве защитника и кормильца. Только подобные нововведения помогают объяснить упоминания в фольклоре юкагиров мужей-многоженцев [16, с. 50]. В свете этих обстоятельств отработка за жену стала считаться уделом бедных женихов, которым было не под силу выплатить требуемый за невесту калым. При этом зять, отработывающий за жену, не уважался и подвергался насмешкам.

Тем не менее, по словам Е.И. Шадрина, юкагира из с. Нелемное, ещё недавно (видимо, в конце XIX — начале XX в.), когда местный юкагир или эвен собирался жениться на юкагирке, ему предлагали войти в её род. В случае если жена по требованию мужа уходила из родной семьи, считалось, что он поступал «нахально» [цит. по: 16, с. 52].

Традиции матрилинейности проявлялись и в том, что мужчина нередко брал фамилию жены. В основном это происходило с местными якутами и эвенами. Кроме того, в тундре, между Алазеей

и Индигиркой, несмотря на обилие метисов, население никогда не испытывало трудностей при определении национальности: ориентиром служила принадлежность матери [16, с. 52].

Вместе с тем Б.О. Долгих предполагал, что матриликальность уже в XVII в. не являлась непреложным законом — младшие мужчины сильного рода не поселялись обязательно в семье тестя, а вместе с семьёй тестя приходили в свой род, при этом брак сохранял матриликальный характер [3, с. 439]. В материалах В.И. Иохельсона, относящихся к XIX в., также содержатся данные о наличии патрилокальных браков у юкагиров. В семью юкагира входили и его дочь с зятем, и сын с невесткой [7, с. 273].

Можно предположить, что юкагирами уже с XVII в. при заключении браков учитывалось родство с обеих сторон, т.е. и по материнской, и по отцовской линиям. Об этом свидетельствует и фольклор. Дочь людоеда, как рассказывается в сказке «О человеческом парне», заманила молодого человека, чтобы убить его. Но последний догадался о её намерениях, убил спящую и убежал, поставив предварительно на огонь котёл с её мясом. Когда отец-людоед проснулся, он увидел наполненный котёл и подумал, что в нём варится мясо парня. Стал есть и воскликнул: «С какой стороны он мне родственник, что сердце у меня хрипит?» [6, с. V].

При этом многие путешественники и исследователи отмечали, что «для женщин родство по матери было важнее, чем для мужчин родство по отцу», что «родню матери уважали больше» [2, с. 255; цит. по: 16, с. 52].

Появление экзогамии (запрета на близкородственные браки) характерно для периода сосуществования материнского и отцовского начал. У юкагиров этот общественный закон начал претерпевать изменения в процессе появления тунгусско-юкагирских браков. Так, отец-тунгус, согласно традициям, собирается женить сыновей на девушках из рода матери, но у юкагиров такой брак считается недопустимым; их экзогамные запреты распространяются как раз на кровных родствен-

ников с материнской стороны. Дети из подобных семей, если поблизости не было представителей третьего, нейтрального рода, не могли взять себе брачных партнёров ни в роде матери, ни в роде отца. В конечном итоге юкагиры стали разрешать браки с дальними кровными родственниками как со стороны отца, так и со стороны матери. В результате экзогамия свелась у них к исключению браков в пределах небольшого числа поколений в любой линии родства. Например, на Коркодоне в брак не могли вступать родные, двоюродные и троюродные братья и сёстры. Таким образом, экзогамия оказалась весьма ограниченной, но вместе с тем приобрела двухсторонний характер. Этим юкагиры разительно отличались от тунгусов. Подобная эволюция привела к тому, что род у юкагиров сильно укоротился и стал напоминать «большую семью», ведущую происхождение от общего деда или прадеда [16, с. 53—54].

Стоит отметить, что запрет на кровнородственные браки ещё больше ужесточился в результате проникновения к юкагирам христианства. Положения православной церкви запрещали браки между кровными родственниками до шестой степени родства; лишь в особых случаях можно было получить разрешение от местного церковнослужителя на брак с троюродным братом и в экстраординарных случаях — на брак между двоюродными братом и сестрой или между дядей и племянницей. Эти установки привели к тому, что в конце XIX — начале XX в. никакого сожительства братьев и сестёр не было, по крайней мере открытого, но браки между двоюродными братьями и сёстрами всё же случались [16, с. 134—135].

Отголоском матриликальности брака являются и обычаи избегания — запреты на общение между определёнными категориями как кровных родственников, так и родственников по свойству. Так, на Анадыре юкагиры не разговаривали между собой в семье без особой нужды, исключая жену с мужем и женский пол между собой. Не разговаривали свёкор с невесткой, деверь с невесткой, брат

с братом, если оба женаты, отец с женатым сыном. Если свёкру что-то надо было сказать невестке, он говорил об этом своей жене, а та — невестке. Для переговоров использовали также малолетних детей. У верхнеколымских юкагиров в разговоры не вступали тесть и тёща с зятем, свёкор и свекровь — с невесткой, мужчина — с мужем младшей сестры и женой младшего брата, женщина — со старшим братом мужа, мужчина — со старшим братом жены. Согласно юкагирским правилам, не должны были между собой разговаривать братья с сёстрами (нормы, характерные для патрилокального рода народов Сибири), а также родные, двоюродные и троюродные братья [6, с. 240; 16, с. 53]. Запрет на прямое общение между братьями, практиковавшийся только у юкагиров, возможно, был призван усилить общение между кровными родичами и их свойственниками [9, с. 92—96]. Можно предположить, что обычаи избегания сложились в условиях группового брака, следы которого прослеживаются как в юкагирской терминологии родства (классификационной), так и в некоторых юкагирских брачных установлениях [2, с. 256].

Относительно высокое положение женщины, особенно старшей, в традиционной семье и роде, как и наличие значимых фигур женского рода в религиозных верованиях и фольклоре юкагиров составляют важные элементы материнского рода.

В основе дошаманского мировоззрения арктических охотников на дикого северного оленя лежало, как уже упоминалось выше, представление о материнском начале всех сил и явлений природы. Исследователями в XVIII—XX вв. записаны широко распространённые у арктических народов (от Скандинавии до Чукотки) представления о Земле-матери, к которой обращались с просьбами об удачном промысле на дикого оленя, лёгких родах, плодородии [5, с. 53].

Так, в юкагирском фольклоре всегда сначала упоминается мать (*эмэй*), а потом отец (*эчиа*). Практически все стихии природы рассматривались как женские сущности, в том числе Река-мать, Льда-мать,

Деревьев-мать, Леса-мать и др. Современные юкагиры-промысловики также соотносят стихии природы с женским началом [5, с. 53; 10, с. 220; 16, с. 49].

Превыше всего юкагиры почитали солнце (*йээлодьэ, йэрпэйэнг, пугу*) — источник тепла и жизни на Земле. Они обращались к нему со словами: «Солнце-мать! Твоим теплом нас согрей, питание своим теплом нам дай! Откуда бы то ни было приходящее зло в другую сторону направь!». Солнце они призывали в свидетели во время братоубийственных столкновений и войн. Солнце «сердилось» и «темнело», если осуществлялись родственные браки и убийство среди юкагиров [15, с. 80; 16, с. 45]. С культом солнца связан сохранившийся национальный праздник «Шахаджибэ», что на юкагирском языке значит «сбор всех племён», «общее собрание», реконструкция которого проходит в Якутске на Днях культуры с 1992 г. [14, с. 577].

К числу важнейших сил природы юкагиры относили огонь, который олицетворял солнце: «Огонь жизнь даёт...». Верхнеколымские юкагиры представляли огонь в образе бабушки, а тундровые — и в образе дедушки. Этих «бабушек» и «дедушек» они «кормили», бросая в огонь кусочки мяса, рыбы (нельзя соль), позже сладости, щепотку табака, наливая немного вина (или любую жидкую пищу) или чая. Верхнеколымские юкагиры ещё и просили: «Огонь-бабушка, худое если будет, в другую сторону отведи, хорошее если будет, сюда завори». Таким образом они старались задобрить сидящего в огне чёртика *едэк* — а то ведь он мог начать вредить им [5, с. 53; 16, с. 45]. «Огонь-мать, твоим теплом сильна будь!», — пел юкагирский шаман, начиная камлать. В песнях юкагирские шаманы Верхней Колымы посещали «двух духов женского пола» — *обучарэ*, обитавших при слиянии неких двух рек [16, с. 49]. Важную роль играл домашний очаг: из него нельзя было передавать огонь чужакам, проходить между огнём и хозяином дома.

Не меньше чем от огня зависели юкагиры и от воды. Когда по весне ломался лёд, юкагиры Верхней Колымы «дарили»

«детям хозяина реки» бисер и просили: «Вода-мать, нам еды давай. На своей поверхности нас хорошо веди. Эти для твоих ребят игрушки возьми...». На Анадыре «женщины бросали в реку ленты, тесёмки и обрезки каких-либо материй и платки, а старики и старухи бросали что-нибудь съестное». Каждый юкагир, проходя на берег новой для себя реки, задабривал её духа-хозяина подарком, оставлял на берегу пулю, бусинку или бросал в воду монетку. Помимо этого, они вкладывали копейки в старые пни, расщелины скал, бросали Земле и Воде бисер, монеты [5, с. 53; 16, с. 45].

В фольклорных материалах В. Иохельсона, датированных концом XIX в., уже встречаются парное сосуществование или соотношения некоторых стихий природы с мужским началом. Например, приведённое выше обращение «Хозяин Земли, нам удачу пошли!». Мужской образ Хозяина Земли — *лебиэн погиль* в образе лося — ныне сосуществует с женским образом Земли-матери [15, с. 101; 16, с. 53]. Ещё — встречающееся в мифологических воззрениях и фольклоре всех групп юкагиров особое отношение к медведю как к родственнику-прародителю. Юкагиры считали, что люди произошли от брака медведя и женщины [5, с. 52]. Подобные воззрения, на наш взгляд, характерны для перехода от материнства к патерниту, когда экономическая роль мужчины начинает возрастать. К периоду окончательного утверждения отцовского рода относится появление отрицательных женских персонажей. Например, злых духов в виде старух-людоедов, обитающих во втором слое нижнего мира [14, с. 577]. Таким образом, мы видим эволюцию данного элемента материнского рода под влиянием изменяющихся социально-экономических условий юкагирского этноса.

Женская ипостась стихий природы обнаруживает теснейшую связь с культом женщины в семье, в быту, в общественной жизни [5, с. 53]. Так, женщины занимали достаточно высокое положение и в реальной, обыденной жизни юкагиров. В.И. Иохельсон отмечал, что в круг обязанностей мужчины входило добыва-

ние пищи, но отнюдь не её распределение. Все охотничьи или рыболовные трофеи охотники и рыболовы отдавали женщинам, самая старшая из которых следила за их распределением [8, с. 164]. Охотнику доставалась слава, и то лишь в той мере, в какой её определяли женщины. Ему приносили голову убитого зверя и ставили его чум впереди других. Во время перекочёвки нескольких юкагирских семей женщины нередко спорили о том, чей «шатёр» должен быть на переднем плане. Каждая восхваляла охотничье искусство своего мужа или сына, если, конечно, не было общепризнанного авторитета [16, с. 49].

Согласно представлениям юкагиров, женщина является центральной фигурой юкагирской семьи. «Семья у одулов есть отдельно живущая группа или, выражаясь языком самих одулов, отдельно стоящая шатёр или юрта, имеющая свой огонь и сконцентрированная вокруг одной женщины-матери. Мать — это всё. Она — центр и фундамент семьи, и племя происходит только от неё» [16, с. 49].

«Женщине ни в чём не перечили», — говорили юкагиры. По их словам, жена в любой момент могла уйти от мужа в родную семью [16, с. 51]. Факт своеобразного расторжения брака женщиной также характеризует то время, когда развод происходил как по требованию мужчины, так и по требованию женщины.

Русское правосудие тоже зачастую вставало на сторону женщины. «Плохого мужа родовой староста наказывал — ссылая на Кольму в бурлаки» [цит. по: 16, с. 51].

У коркодонских юкагиров ещё в начале XX в. родня женщины опекала её сына до совершеннолетия и могла забрать детей у отца в случае смерти матери [16, с. 51].

Юкагирские женщины принимали участие и в делах, выходящих за рамки семьи. Верхнеколымские юкагиры устраивали общие собрания «лучших охотников и матерей», а в преданиях верхнеколымских якутов говорилось, что в древности предводительницами юкагиров были женщины-шаманки [16, с. 49—50].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, характерной чертой социального быта юкагиров

на рубеже XIX—XX вв. было причудливое переплетение начал матернитета и патернитета, тогда как для более раннего периода материнский род был в приоритете. Все явления, связанные с существованием в прошлом у юкагиров материнского рода, можно классифицировать следующим образом: элементы, относящиеся к материнско-родовой экзогамии (билинейная экзогамно-родовая система и установления, связанные с родовым огнём); отголоски матрилокального брака в брачных церемониях и терминологии; элементы материнского рода в религиозных воззрениях. Всё это нашло отражение в особом почитании и уважении старших женщин. Указанные элементы, на первый взгляд абсолютно не соотносимые с агнатной организацией рода юкагиров, тем не менее были неразрывно связаны с их психологией. Супруги являлись кузенами, детьми брата и сестры, и члены каждого рода предпочитали брать жён из одного и того же рода, так что психологии патернитета и матернитета перекрещивались, и между женской и мужской линиями не было пропасти.

Во-вторых, существовали определённые различия в семейно-брачных отношениях лесных и тундровых юкагиров. Так, для нижнеколымских юкагиров был характерен патрилинейный счёт родства и патрилокальный брак, предполагавший трёхлетнюю отработку за жену и уплату калыма; у верхнеколымских юкагиров преобладали матрилокальный брак и матрилинейная система родства. У обеих групп юкагиров были распространены обычаи кровной мести, нимата и избегания между родственниками.

В-третьих, многие элементы материальной и духовной культуры юкагиров в течение XVII — начала XX в. складывались под влиянием сначала эвенов, чукчей и якутов, а затем — европейских народов и христианской религии. Сильное влияние русской и других культур, значительные изменения в образе жизни привели к тому, что архаичные элементы юкагирской культуры постепенно начали утрачиваться и заменяться чужеродными [5, с. 50; 11, с. 2].

Контакты и браки с тунгусами — носителями «отцовского» начала, а также заимствование у последних оленеводства привели к тому, что основы юкагирского общества оказались частично разрушенными [16, с. 52], произошла «деформация» материнского рода в составную семью. У тундровых юкагиров на смену матрилокальному браку пришёл патрилокальный, что отвечало стремлению отца передать своих оленей по наследству сыну, а не зятю. У таёжных юкагиров, культура которых более самобытна, стали параллельно сосуществовать обе эти формы [16, с. 54].

Освоение Сибири, контакты с русскими казаками и другими европейцами, проникновение торгового капитала и православия в быт юкагиров способствовали дальнейшей трансформации семейно-родовых отношений.

Появление института калыма, увеличение роли мужчины в экономике семьи всё больше разрушало традиционную структуру юкагирского общества и ослабляло статус женщины в нём.

Отметим, что контакты со славянским населением были спорадическими, особенно в начальной стадии освоения территории; культурные и бытовые контакты были более тесными с таёжными юкагирами, на кочевые группы они практически не распространялись. Поэтому особенно быстро процесс заимствования всего русского шёл у лесных юкагиров [11, с. 21; 13, с. 33]. Однако именно таёжным юкагирам в большей степени удалось сохранить свои этнические традиции материнской филиации вплоть до середины XX в. [1, с. 694].

Таким образом, существовавший в древности у юкагиров материнский род в силу изменения социально-экономических условий и межэтнического и межкультурного взаимодействия претерпел определённую эволюцию: сначала это заключалось в сосуществовании двух систем родства (матернитета и патернитета), а затем и вовсе произошёл переход к патрилокальному браку и патрилокальной семье. Особенно быстро этот процесс протекал у тундровых юкагиров, находящихся в более тесном иноэтническом окружении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова В.С., Ермолаева Ю.Н., Маркова М.Ф. Юкагирская свадебная обрядность: традиции, история, современность // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 6 (45). С. 694—702.
2. Гурвич И.С. Социальная организация юкагиров // Общественный строй у народов Северной Сибири / отв. ред. И.С. Гурвич, Б.О. Долгих. М.: Наука, 1970. С. 248—263.
3. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 445 с.
4. Доржеева В.В. Добрачная женская свобода в традиционной культуре коренных малочисленных народов Северо-Востока России // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2007. № 8. С. 26—29.
5. Жукова Л.Н. Первичные общества и традиционные религиозные воззрения народов Арктики // Наука и техника в Якутии. 2003. № 1 (4). С. 48—53.
6. Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 272 с.
7. Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный быт и письма // Известия Русского Географического общества. СПб., 1898. Т. 34. Вып. 3. С. 257—292.
8. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 666 с.
9. Курилов Г.Н. О терминах родства и свойства тундренных юкагиров // Советская этнография. 1969. № 2. С. 92—96.
10. Курилов Г.Н. Термины родства, отражающие древнюю культуру тундренных юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 218—222.
11. Курилов Г.Н. Фольклор юкагиров // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. М.; Новосибирск: Наука, 2005. Т. 25. 594 с.
12. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подг. текста, примеч. и предисл. З.Д. Титовой; под общ. ред. И.С. Вдовина. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
13. Оглезнева Т.Н. Юридический быт народов Северо-Востока Азии в исследованиях ИРГО // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022. № 3 (29). С. 22—34.
14. Плужников Н.В. Юкагиры // Большая Российская Энциклопедия / гл. ред. Ю.С. Осипов. М.: Научное издательство «БРЭ», 2017. Т. 35. С. 576—577.
15. Подмаскин В.В. Мифологический словарь: коренные малочисленные народы Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2013. 248 с.
16. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с. (Серия «Страны и народы»).
17. Юкагиры // Энциклопедия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. М., 2005. С. 439—448. (Серия: Библиотека коренных народов Севера).
18. Юкагиры (Историко-этнографический очерк) / отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1975. 242 с.

REFERENCES

1. Akimova V.S., Ermolaeva Yu.N., Markova M.F. Yukagirskaya svadebnaya obryadnost': traditsii, istoriya, sovremennost' [Yukaghir Wedding Ceremony: Traditions, History, Modernity]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy*, 2018, vol. 8, no. 6 (45), pp. 694—702. (In Russ.)
2. Gurvich I.S. Sotsial'naya organizatsiya yukagirov [Social Organization of the Yukaghirs]. *Obshchestvennyy stroi u narodov Severnoy Sibiri* [Social System among the Peoples

- of the Northern Siberia]. Executive ed. I.S. Gurvich, B.O. Dolgikh. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 248—263. (In Russ.)
3. Dolgikh B.O. *Rodovoy i plemenny sostav narodov Sibiri v XVII v.* [The Tribal and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1960, 445 p. (In Russ.)
 4. Dorzheeva V.V. Dobrachnaya zhenskaya svoboda v traditsionnoy kul'ture korennykh malochislennykh narodov Severo-Vostoka Rossii [Premarital Female Freedom in the Traditional Culture of Indigenous Small Peoples of the North-East of Russia]. *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 8, pp. 26—29. (In Russ.)
 5. Zhukova L.N. Pervichnye obshchestva i traditsionnye religioznye vozzreniya narodov Arktiki [Primary Societies and Traditional Religious Views of the Peoples of the Arctic]. *Nauka i tekhnika v Yakutii*, 2003, no. 1 (4), pp. 48—53. (In Russ.)
 6. Iokhel'son V.I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolym'skom okruge* [Materials on the Study of the Yukaghir Language and Folklore Collected in the Kolyma District]. Yakutsk, Bichik Publ., 2005, 272 p. (In Russ.)
 7. Iokhel'son V.I. Po rekam Yasachnoy i Korkodonu. Drevniy i sovremennyy byt i pis'mena [Along the Yasachnaya and Korkodon Rivers. Ancient and Modern Life and Writings]. *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Russian Geographical Society]. Saint Petersburg, 1898, vol. 34, iss. 3, pp. 257—292. (In Russ.)
 8. Iokhel'son V.I. *Yukagiry i yukagirizovannyye tungusy* [Yukaghirs and Yukaghirized Tunguses]. Translated from English by V.Kh. Ivanov, Z.I. Ivanova-Unarova. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, 666 p. (In Russ.)
 9. Kurilov G.N. O terminakh rodstva i svoystva tundrennykh yukagirov [On the Terms of Kinship and Properties of Tundra Yukaghirs]. *Sovetskaya etnografiya*, 1969, no. 2, pp. 92—96. (In Russ.)
 10. Kurilov G.N. Terminy rodstva, otrazhayushchie drevnyuyu kul'turu tundrennykh yukagirov [Kinship Terms Reflecting the Ancient Culture of Tundra Yukaghirs]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2019, vol. 12, iss. 2, pp. 218—222. (In Russ.)
 11. Kurilov G.N. Fol'klor yukagirov [Folklore of the Yukaghirs]. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]. Moscow, Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, vol. 25, 594 p. (In Russ.)
 12. Lindenau Ya.I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka). Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the Peoples of Siberia (the First Half of the 18th Century). Historical and Ethnographic Materials about the Peoples of Siberia and the North-East]. Translated from German, notes and a preface Z.D. Titova; general ed. by I.S. Vdovin. Magadan, Kn. izd-vo Publ., 1983, 176 p. (In Russ.)
 13. Oglezneva T.N. Yuridicheskiy byt narodov Severo-Vostoka Azii v issledovaniyakh IRGO [The Legal Way of Life of the Peoples of Northeast Asia in IRGO Studies]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnyye nauki*, 2022, no. 3 (29), pp. 22—34. (In Russ.)
 14. Pluzhnikov N.V. Yukagiry [Yukagira]. *Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Ed.-in-chief Yu.S. Osipov. Moscow, Nauchnoe izdatel'stvo "BRE" Publ., 2017, vol. 35, pp. 576—577. (In Russ.)
 15. Podmaskin V.V. *Mifologicheskii slovar': korennyye malochislennyye narody Dal'nego Vostoka* [Mythological Dictionary: Indigenous Peoples of the Far East]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2013, 248 p. (In Russ.)
 16. Tugolukov V.A. Kto vy, yukagiry? [Who Are You, Yukaghirs?]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 152 p. (Seriya «Strany i narody» [Series "Countries and Peoples"]). (In Russ.)
 17. Yukagiry [Yukaghirs]. *Entsiklopediya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoy Federatsii* [Encyclopedia of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation]. Moscow, 2005, pp. 439—448. (Seriya: Biblioteka korennykh narodov Severa [Series: Library of the Indigenous Peoples of the North]). (In Russ.)
 18. *Yukagiry (Istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [Yukaghirs (Historical and Ethnographic Essay)]. Executive ed. A.P. Okladnikov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, 242 p. (In Russ.)